

— Если оставить это дерево на твоём теле, не значит ли это...

Его взгляд едва заметно дрогнул, он не договорил, лишь прикрыл рот рукой и тихо рассмеялся.

Цзюнь Тяньяо мгновенно всё понял: Мо Янь хочет поставить на нём своё клеймо.

Точно так же, как в знатных и богатых семьях на скрытых от чужих глаз участках тела наложников выжигали знаки, чтобы заявить о праве собственности. Даже если впоследствии наложник терял былую милость, он всё равно оставался их вещью.

— Ты не можешь так поступить!

Он тщетно пытался воспротивиться.

— Почему?

— По какому праву? Я тебе не игрушка!

Сердце Цзюнь Тяньяо сжалось от боли, он стиснул зубы, а в глазах полыхнула лютая ненависть.

— По праву того, что ты сам говорил, будто любишь меня, — уголки губ Мо Яня слегка приподнялись, он прошептал это едва слышно.

— Мо Янь! Я человек!

В глазах Цзюнь Тяньяо промелькнуло отчаяние, даже в голосе послышались нотки мольбы.

Мо Янь заставил себя не обращать внимания на эту мольбу. Он разжал пальцы, которыми сжимал волосы Цзюнь Тяньяо, и принялся срывать с него одежду, обнажая спину. Он нежно погладил родимое пятно, которое так безумно любил.

Цзюнь Тяньяо вспомнил слова, когда-то брошенные Мо Янем: Неужели эта родинка дана тебе лишь для того, чтобы улаживать мужчин, которые так усердно трудятся на твоём теле?

Глубочайшее оскорбление, сопровождаемое унижительными действиями. Похоже, в душе Мо Яня он всегда был и оставался лишь игрушкой, созданной для того, чтобы ползать под мужчиной и служить предметом для потех. Даже чувства, которые он когда-то питал к нему, теперь стали лишь поводом для неприкрытых издевательств и пыток.

Он горько усмехнулся и закрыл глаза.

— Мо Янь, настанет день, когда ты полюбишь кого-то всем сердцем, но окажешься растоптанным и втоптаным в грязь. Рано или поздно ты сполна испытаешь ту боль, которую причиняешь мне сейчас.

Услышав это, Мо Янь на миг замер, а затем рассмеялся:

— Ты так сильно меня любишь, разве ты позволишь мне страдать?

Возможно, его сердце уже очерствело настолько, что он перестал чувствовать даже боль. Цзюнь Тяньяо внезапно тихо рассмеялся, и этот глухой, хриплый смех эхом разнесся по пустой тайной комнате. Но вскоре он умолк и пробормотал:

— Тебя настигнет возмездие, оно обязательно тебя настигнет...

Голос звучал так скорбно и убито, что Мо Янь почувствовал одновременно раздражение и острую боль в груди. Он протянул руку и нажал на немую точку, чтобы заставить его замолчать.

Затем он взял заранее приготовленную серебряную иглу, обмакнул её в красную тушь и вонзил в поясницу Цзюнь Тяньяо. Он работал очень старательно, словно создавал произведение искусства. Кожа на пояснице из ледяной стала обжигающе горячей.

Цзюнь Тяньяо не шевелился, он просто лежал неподвижно, позволяя боли пропитать всё тело. Казалось, только так он мог заглушить чувство, будто его сердце пронзили тысячи мечей.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Мо Янь закончил. На бледной пояснице расцвела кроваво-красная слива, выглядевшая как живая. Вместе с родимым пятном в форме бабочки это казалось картиной, где красная слива гордо стоит в снегу, а к ней слетается бабочка — зрелище было ошеломляюще прекрасным и ослепительно ярким.

Мо Яню чего-то не хватало. Подумав, он снова взял иглу и с правой стороны от бабочки выколол крошечный иероглиф Янь, после чего наконец убрал инструменты.

Глядя на человека, который от боли потерял сознание, он нежно поцеловал его в поясницу и снял железные цепи. На руках и ногах остались синяки от оков. Он принес мазь для снятия отеков и, бережно массируя, втирал её, словно пытаясь стереть эти следы навсегда.

Но синяки на теле рано или поздно пройдут, а как стереть синяки с души?

Цзюнь Тяньяо очнулся лишь через три дня. Всё это время у него был жар, но он крепко сжимал зубы, отказываясь пить лекарство. Мо Яню приходилось использовать старый метод, чтобы вливать снадобье в него.

Он просидел у кровати трое суток, не сомкнув глаз, и наконец дождался, когда Цзюнь Тяньяо откроет глаза. Но радости не было. Цзюнь Тяньяо лишь смотрел в потолок, не двигаясь и не произнося ни слова, как бы Мо Янь ни пытался добиться реакции.

В отчаянии ему пришлось нажать сонную точку. Когда Цзюнь Тяньяо закрыл глаза, Мо Янь обессиленно рухнул на пол у кровати, словно растратив все силы, но даже так продолжал крепко сжимать руку Цзюнь Тяньяо.

Что же делать? Отпустить его? Но почему он должен его отпускать, если именно тот первым связал их судьбы? Почему в итоге в ловушке оказался он один? Не смириться, никак не смириться!

Незаметно подошел канун Нового года. Мо Янь шел по улице, глядя, как люди развешивают фонари, а на деревьях и домах красуются красные парные надписи — повсюду чувствовалось приближение праздника. Но в его сердце зияла бездонная пустота, которую ничем невозможно было заполнить.

Прошел месяц с тех пор, как Цзюнь Тяньяо очнулся, но он всё так же смотрел в одну точку, не проронив ни звука. Мо Янь до безумия полюбил клеймо на его спине, но теперь, когда он обнимал его, он предпочитал, чтобы Цзюнь Тяньяо был повернут лицом к нему — только так он мог увидеть хоть какие-то живые эмоции в моменты их близости. Только тогда Мо Янь понимал, что этот человек ещё жив. Поэтому он каждый раз продолжал до тех пор, пока тот в беспамятстве не начинал плакать и молить о пощаде. Ему казалось, что если так пойдет и дальше, то рано или поздно он попросту замучает Цзюнь Тяньяо до смерти.

— Брат, братик, а что это такое?

— Это леденец, Сяо Тянь хочет попробовать? Брат купит тебе.

— А можно мне два?

— От сладкого зубы заболят, можно съесть только один!

Мо Янь обернулся на голос и увидел старика, который мастерил сахарные фигурки. На печи перед ним уже стояло пять или шесть леденцов — мышь, бык, тигр, кролик, дракон... оказывается, он делал двенадцать знаков зодиака.

Опять эта приторная еда, от которой зубы сводит, с отвращением подумал Мо Янь.

<http://bllate.org/book/20959/2126307>